

© 2011 г.

А.О. НАУМОВ

“РЕЙНСКИЙ БЛЕФ” ГИТЛЕРА. РЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1936 году

Более 70-и лет назад, в июне 1940 г., было подписано Компьенское перемирие, завершившее скоротечную кампанию германского вермахта против Франции. Неожиданно для всего мира Третья республика была полностью разбита и прекратила свое существование. Как это могло произойти? Как Франция – великая держава, одна из основ послевоенного мироустройства, оказалась уничтоженной за несколько недель? Ответы на эти и другие вопросы, связанные с поражением Франции и вступлением Второй мировой войны в новую фазу, до сих пор не перестают волновать исследователей.

В данной статье пойдет речь о ремилитаризации Рейнской области в марте 1936 г., сыгравшей ключевую роль в ослаблении Франции накануне Второй мировой войны и ставшей первым звеном в цепи кризиса Версальской системы. Несмотря на знаковость этого события, в отечественной историографии до сих пор не существует комплексного исследования рейнской проблемы в контексте кризиса межвоенной модели международных отношений, хотя ее отдельные аспекты изучались как в России, так и за рубежом¹.

Новые документальные источники, в том числе недавно ставшие доступными материалы Архива исторической службы сухопутных сил, военной авиации и военно-морского флота Франции², позволяют взглянуть на эти события под новым углом зрения, что и является целью автора статьи.

В июне 1919 г. был подписан Версальский мир, завершивший Первую мировую войну. То, что еще недавно называлось Вторым рейхом, было раздавлено и унижено. Германия теряла значительную часть национальной территории, все колонии, лишалась права на полноценную армию, была обязана выплачивать гигантские репарации. Договор содержал и еще один пункт: в целях обеспечения дополнительной гарантии безопасности Франции Рейнская область Германии, имевшая важнейшее геостратегическое значение, и зона на протяжении пятидесяти километров к востоку от Рейна объявлялись демилитаризованными. Более того, в самой Рейнской области оставались оккупационные войска союзников, которые покинули ее лишь в 1930 г.

В 1925 г. был подписан Локарнский договор (или Рейнский гарантийный пакт). По его условиям Великобритания, Франция, Бельгия, Италия и Германия, которая, в

Наумов Александр Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН.

¹ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929–1939. М., 1976; Рябоконт С.И. Рейнский кризис и Балканская Антанта (март–май 1936). – Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943). Свердловск, 1979; Schuker S. France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936. – French Historical Studies, v. 14, 1986, № 3; Jackson P. France and the Nazi Menace: Intelligence and Policy Making, 1933–1939. Oxford, 2000; Иванов А.Г. Рейнский кризис 1936 г. и крушение системы Локарно. – Актуальные проблемы международных отношений. XX век. Краснодар, 2002; Shore Z. What Hitler Knew: the Battle for Information in Nazi Foreign Policy. Oxford, 2003.

² Service Historique de l'Armée de Terre (SHAT); Service Historique de la Service Historique de l'Armée de l'Air (SHAA); Service Historique de la Marine (SHM).

отличие от 1919 г., поставила свою подпись добровольно, взяли обязательство гарантировать сохранение неприкосновенности франко-германской и германо-бельгийской границ, установленных по Версальскому мирному договору, а также соблюдение его положений относительно демилитаризации левого берега Рейна и 50-километровой зоны на правом берегу этой реки. Главными гарантами нерушимости западных границ Германии выступили Англия и Италия. Франция и Бельгия, с одной стороны, и Германия, с другой – обязались не воевать друг с другом. Созданная в 1919 г. первая в истории глобальная международная организация – Лига Наций – признала Локарнские соглашения. В случае несоблюдения какой-либо из держав принятых обязательств, остальные участники Рейнского пакта предоставляли необходимую помощь той стороне, против которой будет направлен “непровоцированный акт агрессии”.

В течение 1920-х – начале 1930-х годов Германия придерживалась положений Версальского договора в целом, и Локарнского пакта в частности. Ситуация, однако, изменилась радикальным образом с приходом в 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов. Гитлеровская концепция внешней политики подразумевала “освобождение” Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 г.

В первую очередь это касалось создания полноценной армии и ремилитаризации Рейнской области. В течение 1933–1935 годов основное внимание нацистов было направлено на “разрыв оков Версаля”. 16 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность. Эта мера не встретила сильного противодействия со стороны держав-победительниц, в первую очередь Великобритании и Франции.

Сложнее дело обстояло с проблемой возвращения территорий, потерянных Германией по Версальскому договору, так как речь шла о нарушении территориального статус-кво Версальской системы. Правда, в январе 1935 г. Гитлеру удалось легально вернуть в лоно рейха Саарскую область – небольшую территорию, богатую месторождениями каменного угля. После этого Гитлер поспешил объявить, что Германия не имеет больше территориальных претензий к Франции.

Добиться же ремилитаризации Рейнской области с той же легкостью было невозможно. Для этого надо было ликвидировать и Локарнский пакт, и статьи Версальского договора. Более того, речь шла о непосредственной безопасности Франции, в 1935 г. все еще являвшейся ведущей континентальной европейской державой.

Франция, осознавая германскую угрозу, в мае 1935 г. пошла на заключение пакта о взаимной помощи с Советским Союзом. Спустя некоторое время французскому правительству был вручен германский меморандум, в котором заявлялось, что франко-советский пакт несовместим с Локарнским договором. Когда же Франция предложила перенести вопрос о совместимости двух пактов в верховный арбитраж в Гааге, Берлин отказался: советско-французский пакт не нарушал ни одной статьи Локарнских договоров и носил оборонительный характер; лишь нападение Германии на Францию или СССР привело бы его в действие.

Однако Гитлер твердо решил использовать франко-советский пакт как предлог и представить планируемую им оккупацию Рейнской области как ответные действия. Это подтверждают документы. 2 мая 1935 г., в день заключения советско-французского пакта, военный министр и главнокомандующий вооруженными силами рейха генерал В. фон Бломберг издал первую директиву с приказом готовить планы оккупации демилитаризованной Рейнской зоны. Операция, которой было дано кодовое название “Шулунг”, планировалась как внезапный и молниеносный удар³.

Об операции “Шулунг” (в дальнейшем она получила наименование “Винтерубунг”) знало лишь небольшое число офицеров; в целях соблюдения секретности Бломберг написал приказ от руки.

В конце мая 1935 г. Гитлер в рейхстаге заявил, что будет “полностью уважать” территориальные параграфы Версальского договора, в частности, все обязательства

³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М., 1954, с. 306–307.

Локарнского пакта⁴. Это укладывалось в политическую линию мнимого “миролюбия”, проводимую нацистским лидером в первые два года нахождения у власти.

В начале 1936 г. Гитлер решил, что необходимо перейти к более активным действиям. Международная обстановка этому благоприятствовала: западное общественное мнение и политики были поглощены перипетиями итало-эфиопской войны; франко-британские отношения переживали не самый лучший этап; Третью республику лихорадили внутренние неурядицы.

27 февраля 1936 г. после длительных проволочек и напряженных дебатов Палата депутатов (нижняя палата французского парламента) ратифицировала франко-советский пакт. На следующий день после ратификации пакта в парижской газете правого толка “Матэн” появилось интервью Гитлера, данное им французскому журналисту Б. де Жювенелю. Сделав ряд резких выпадов против советско-французского пакта, Гитлер неожиданно выразил чувства горячий симпатии и стремление к дружбе и сближению с Францией: “Странно, что во Франции и Англии есть люди, которые верят в возможность германской агрессии. Франция должна серьезно подумать о предложениях прийти к соглашению, которые ей делает Германия”⁵.

Однако интервью Гитлера состоялось 21 февраля 1936 г., когда еще шли дебаты во французском парламенте, а появилось сразу после того, как законопроект был ратифицирован Палатой депутатов. Сенат (Верхняя палата парламента) ратифицировал договор лишь 12 марта 1936 г.

Этот факт вызвал взрыв возмущения в Берлине, хотя если бы немцы действительно хотели сорвать франко-советский пакт, для этого было бы достаточно официального заявления Гитлера, что он введет войска в Рейнскую зону в случае ратификации пакта обеими палатами французского парламента. Если бы такое заявление было бы сделано, в Сенате пакт, скорее всего, не прошел, но тогда у Германии не было бы и предлога для реализации своих агрессивных замыслов.

Когда 2 марта 1936 г. французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсэ отправился на прием к рейхсканцлеру Гитлеру для уточнения смысла его высказываний и зондирования почвы дальнейшего франко-германского сближения, то Гитлер буквально набросился на Франсуа-Понсэ. “Это мошенничество! Это издевательство! – кричал Гитлер. – Голосование перечеркнуло мои заявления”. Ратификация франко-советского пакта создает “большие препятствия для улучшения франко-германских отношений”. По словам Франсуа-Понсэ, Гитлер предупредил, что в ближайшие дни даст ответ французскому правительству⁶.

К этому времени в нацистской верхушке уже шли интенсивные совещания по поводу ремилитаризации Рейнской области, которые обозначили существенные расхождения во взглядах основных участников “ближнего круга” Гитлера. Армейские генералы Фрич, Бек и Бломберг указывали на рискованность реокупации, справедливо полагая, что Германия не готова к войне с западными державами и в случае вооруженного конфликта будет разгромлена⁷. Однако в среде высшей политической элиты рейха были и другие мнения. За активные действия высказывался рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс: “Мы (германцы. – А.Н.) молодой народ. Французы отжили свой век, а англичане постарели. Право молодости говорит за нас, это и есть единственно действительное право сильного”⁸. При этом Геббельс указывал, что провести ремилитаризацию лучше после ратификации франко-советского пакта в Сенате. Однако: “Кто ничем не рискует, ничего не выигрывает!”⁹.

⁴ Там же, с.306.

⁵ Le Matin, 28.II.1936.

⁶ François-Poncet A. Souvenirs d’une Ambassade à Berlin 1931–1938. Paris, 1947, p. 250.

⁷ Shore Z. Op. cit., p. 57.

⁸ Неизвестный Гитлер. М., 2006, с. 41.

⁹ Shore Z. Op. cit., p. 59.

Благодаря разветвленной сети информаторов в европейских столицах, наиболее информированным в данном вопросе был германский министр иностранных дел К. фон Нейрат. Он считал ситуацию благоприятной: “Теперь или никогда!”.

Важную роль в принятии окончательного решения оккупировать Рейнскую зону сыграло донесение шефа отдела печати германского министерства иностранных дел Г. Ашманна, обладавшего обширными связями в среде французской политической и военной элиты. 10 января 1936 г. Ашманн сообщил Нейрату о своей беседе с французским парламентарием, близким к премьеру П. Лавалю: “Сегодня (во Франции. – *А.Н.*) ни у кого нет ни готовности, ни желания вступать в войну в случае реокупации”¹⁰. Другой подчиненный Нейрата, германский посол в Париже Р. Кестер, пришел к аналогичному выводу на основе анализа французской прессы¹¹. 6 марта 1936 г., за сутки до ремилитаризации Рейнской зоны, влиятельный германский дипломат статс-секретарь министерства иностранных дел Б. фон Бюлов заявил: “Мы абсолютно уверены, что французы не выступят”¹².

В отношении возможного поведения остальных членов Локарно – Англии и Италии (Бельгия в расчет не бралась) – донесения, стекавшиеся в руки Нейрата, имели еще более успокаивающий характер. К середине февраля 1936 г. по итогам переговоров между главой Центрального департамента британского Форин оффиса Р. Уиграмом и советником германского посольства в Лондоне князем О. фон Бисмарком (потомком и тезкой “железного канцлера”), Нейрат знал, что в случае кризиса вокруг Рейнской области Англия будет склонять Францию к переговорам, рассчитывая взамен заключить с Германией договор о сокращении военно-воздушных сил (“Воздушный пакт”)¹³.

Что касается Италии, то германский посол У. фон Хассель доносил, что 22 февраля 1936 г. Б. Муссолини прямо заявил об отсутствии намерения “участвовать в контрмерах, направленных против германской реакции на ратификацию франко-советского пакта”. В донесении в Берлин Хассель сделал вывод о том, что “Муссолини не примет участия в акциях Англии и Франции, спровоцированных вероятным разрывом Германией Локарнского договора”¹⁴.

Что же касается Гитлера, то по свидетельству его личного адъютанта О. Гюнше, при решении вопроса о ремилитаризации Рейнской области он исходил из следующих предпосылок: “Франция не станет принимать решительные меры, не будучи уверена в поддержке Англии; Англия не вступит в вооруженный конфликт с Германией, тем более что в рейнской проблеме затрагиваются в первую очередь французские интересы; Англия будет даже способствовать мирному разрешению рейнского вопроса, так как конфликт с Германией неизбежно заставит Францию опереться на франко-советский пакт о взаимопомощи, заключенный в 1935 г. с французским правительством Народного фронта. А это открыло бы Советской России двери для влияния на политику в Европе, что шло вразрез с политикой английского кабинета”¹⁵.

Исследователи указывают на ряд факторов, побудивших Гитлера к рискованной акции в марте 1936 г.: быстрота передачи франко-советского пакта во французский Сенат (5 марта 1936 г.); близость окончания итало-эфиопской войны; ухудшение англо-итальянских отношений; начавшиеся зимой англо-французские переговоры, в перспективе способные привести к заключению конкретного соглашения по защите статуса Рейнской области; инертность Лиги Наций в решении итало-эфиопского конфликта; пред-

¹⁰ Ibid., p. 50.

¹¹ Documents on German Foreign Policy, 1918–1945 (далее – DGFP), Ser.C, v. 4. Washington, 1956, p. 916.

¹² Documents Diplomatiques Français. 1932–1939 (далее – DDF). Sér. 2. 1936–1939, t. 2. Paris, 1964, p. 27.

¹³ Thomas M. Britain, France & Appeasement. Anglo-French Relations in the Popular Front Era. Oxford – New York, 1996, p. 28.

¹⁴ Documenti diplomatici italiani. Ottava serie: 1935–1939 (далее – DDI), v. 2. Roma, 1952, p. 275.

¹⁵ Неизвестный Гитлер, с.41.

выборная борьба во Франции; наконец, внутренние экономические и финансовые затруднения в Германии¹⁶. С другой стороны, риск был чрезвычайно велик: несмотря на оптимистические для Берлина прогнозы, гарантировать отсутствие жесткой реакции, возможно даже военной акции локарнских держав, со стопроцентной уверенностью не мог никто.

Окончательное решение оккупировать Рейнскую область Гитлер принял лишь 1 марта 1936 г. В этот день он сообщил о своем решении группе генералов. Причем многие из них были уверены, что шансы Германии на успех минимальны. 2 марта 1936 г. Бломберг подписал совершенно секретную директиву о введении войск вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону: “Фюрер... принял следующее решение: ввиду франко-русского союза обязательства, принятые Германией, согласно Локарнскому договору, поскольку они касаются ст.ст. 42 и 43 Версальского договора о милитаризованной зоне, должны считаться устаревшими”¹⁷. В качестве дня вторжения была выбрана суббота 7 марта 1936 г.

Ранним утром 7 марта 1936 г. Гитлер преподнес Европе “субботный сюрприз”: немецкие войска перешли Рейн и вступили в демилитаризованную зону. Одновременно с актом агрессии Гитлер повел наступление на дипломатическом фронте. В тот же день в 10 часов утра в министерство иностранных дел на берлинской Вильгельмштрассе были приглашены послы Великобритании, Франции, Бельгии и Италии. Нейрат вручил им меморандум германского правительства о вводе войск в демилитаризованную зону и отказе от Локарнских соглашений. В полдень 7 марта Гитлер выступил с речью в рейхстаге, ставшей шедевром демагогической игры на противоречиях, страхах и столь характерном для европейцев желании мира.

Гитлер утверждал, что Германия будет полностью удовлетворена, как только получит право защищать собственные национальные границы, считающиеся для любого европейского государства само собой разумеющимся. Гитлер также пообещал вернуться в Лигу Наций, договориться об ограничении авиационных вооружений, предложил заключить соглашение о демилитаризации обоих берегов Рейна и даже пакт о ненападении с Францией и Бельгией под гарантией Великобритании и Италии сроком на 25 лет взамен прежнего Локарнского соглашения¹⁸.

Наступил поворотный момент европейской истории. От позиции великих держав теперь зависело дальнейшее развитие Версальской системы. Речь, в первую очередь, шла о позиции стран, еще недавно входивших во “фронт Стрезы”, призванный остановить агрессивную политику нацистов в Европе, – Великобритании, Франции и Италии. Еще одна великая держава – Советский Союз – не являлась членом Локарно. Хотя СССР начиная с 1935 г. слыл наиболее активным поборником идеи коллективной безопасности, его голос услышан не был.

Наиболее умеренной среди стран-гарантов Локарнского соглашения, как и ожидалось, оказалась реакция фашистской Италии. Муссолини был все еще занят войной в Абиссинии, в ходе которой убедился, что главным препятствием на пути его амбициозных имперских планов является Великобритания. Дуче постепенно дрейфовал в сторону союза с идеологически близкой ему Германией. Именно поэтому, как и Гитлер во время итало-эфиопского конфликта, Муссолини занял позицию благожелательного нейтралитета, ограничившись формальным осуждением акта демилитаризации.

Такую пассивность не могли себе позволить другие члены Локарно, особенно Франция. Хотя лейтмотивом внешней политики Третьей республики, даже несмотря на сближение с СССР, было стремление найти приемлемое соглашение с Германией

---

¹⁶ Mallet R. Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003, p. 76; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929–1939. М., 1976, с. 237–238; Shore Z. Op. cit., p. 58.

¹⁷ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. М., 1973, с. 200.

¹⁸ Шурер У. Взлет и падение третьего рейха. т. 1. М., 1991, с. 332; Додд У. Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 2005, с. 340–341.

по спорным проблемам, изменение статуса Рейнской зоны представляло серьезную угрозу для безопасности Франции. При этом “субботний сюрприз” Гитлера вряд ли стал полной неожиданностью для французских государственных деятелей, ведь начиная с лета 1935 г. в Париж постоянно поступали сведения о готовившейся ремилитаризации Рейнской области. Однако во Франции царил полная неопределенность относительно антигерманских санкций в случае агрессивных действий Гитлера.

Как показывают французские архивные документы, в Париже знали о готовящейся реокупации задолго до начала кризиса¹⁹. Разведывательная служба Франции в июне 1935 г. докладывала, что Гитлер выжидает, “пока наши международные позиции ослабнут и найдется подходящий предлог” для ремилитаризации. Более того, разведка называла именно ратификацию советско-французского пакта в качестве такого предлога²⁰. 2 марта 1936 г., в день подписания директивы о ремилитаризации в Берлине, Второе бюро Генштаба Франции сообщало военному и гражданскому руководству, что в ближайшее время после ратификации пакта с Москвой Франции придется столкнуться со свершившимся фактом германской оккупации Рейнской зоны; в отчете разведки подчеркивалось, что германские войска не покинут эту зону без боя²¹.

Однако никаких конкретных планов действий, ни военных, ни дипломатических, в Париже не существовало: гражданские официальные лица Франции пытались переложить ответственность на военных; те же предлагали кабинету министров взять инициативу в свои руки.

Известия о вторжении германских войск в демилитаризованную зону пришли в Париж сразу. Уже утром 7 марта 1936 г. министр почт и телеграфа Ж. Мандель сообщил о шокирующей новости премьер-министру французского правительства А. Сарро. Было решено срочно созвать заседание правительства, но оказалось, что большинство министров отдыхает за городом. С 9 час. 45 мин. были начаты совещания узкого состава кабинета с участием Сарро, Фландена, Поль-Бонкура, Манделя, Морена, Гамелена и Жоржа. Собрать всех министров удалось лишь к 6 час. вечера. Ключевой вопрос прозвучал из уст Манделя: “Речь идет о том, чтобы установить: будем ли мы рассматривать нарушение границ Рейнской области как акт войны, ответим ли мы ударом на удар или выдвинем только возражения юридического порядка?”²². В ответ военный министр генерал Ж. Морэн категорически заявил, что контрудар невозможен: “По одним данным, которые мне успели сообщить, немцы ввели в зону около 200 тыс. солдат. По другим данным – 424 тыс. – полиция, части СС, пять бригад танков, четыре воздушные группы. Кроме того, по некоторым сведениям, туда должно войти еще четыре корпуса общей численностью 120 тыс. чел. Итого будет 544 тыс.”. По данным французской разведки, в феврале 1936 г. германская армия насчитывала более полумиллиона человек²³. “Любая военная операция, – подытожил глава французского Генштаба генерал М. Гамелен, – даже самая ограниченная, влечет за собой риск, который невозможно предугадать. У нас 26 дивизий, а Германия к концу года будет иметь 36 дивизий”²⁴.

Паника и завышенные представления о германской военной мощи передались даже в Лондон. 11 февраля 1936 г. британское посольство в Париже сообщало, что в составе вермахта насчитывается 530 тыс., в частях СС – 250 тыс., в автомобильном корпусе – еще 350 тыс. чел. Соотношение сил Германии и Франции оценивалось таким образом: 36 немецким дивизиям французы, якобы, могли противопоставить 30 дивизий (из них одну механизированную и 5 мобильных) и гарнизоны крепостей²⁵.

¹⁹ SHAT, 7N2520-4, Note au sujet de la zone rhénane demilitarisée, 31 juil 1935.

²⁰ SHAT, 7N2596, Renondeau à Paris, 19 juin, 10 décembre 1935.

²¹ SHAT, 7N2512, 2 mars 1936.

²² Цит. по: *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 2005, с. 207.

²³ SHAT, 7N2506, BdR, janvier-février 1936.

²⁴ Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991, с. 80.

²⁵ Public Record Office (далее – PRO), Foreign Office (далее – FO), 371/19885, p. 55–60.

На самом же деле германская армия находилась только на этапе становления. На левый берег Рейна вошло всего три германских батальона – десять тыс. солдат вермахта и немногим более двадцати тыс. полицейских, вооруженных холостыми патронами и имевших приказ спешно ретироваться при первых признаках появления французской пехоты. Французская армия значительно превосходила германскую, обладая 13 дивизиями на границе и десятками дивизий в тылу, без всякой мобилизации насчитывая пятьсот тыс. солдат и офицеров; она была в состоянии разгромить молодой вермахт.

Это хорошо понимали в Берлине. Генерал Йодль позднее заявлял, что всего одной французской армии прикрытия было бы достаточно, чтобы остановить германское вторжение. “Учитывая положение, в котором мы оказались, французская армия могла разорвать нас на куски... Мы были в положении игрока, который поставил все свое состояние на одну карту. Германская армия была в этот момент наиболее слаба, так как сто тысяч солдат рейхсвера были распределены в качестве инструкторов по вновь формируемым частям и не представляли собой организованной силы”²⁶.

Гитлер признавался своим ближайшим сподвижникам: “Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, нам пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления”²⁷. Военное превосходство в 1936 г. действительно было полностью на стороне Франции. Даже частичная мобилизация французской армии могла заставить Гитлера убраться восвояси. После Второй мировой войны парламентская комиссия Франции пришла к выводу, что в 1936 г. “соотношение сил позволяло Франции одной изгнать германские войска из Рейнской зоны”²⁸. Позорный провал рейнской авантюры вполне мог стать если не концом нацистского режима, то, по крайней мере, надолго отсрочить претворение в жизнь агрессивной внешнеполитической программы нацистского диктатора.

Но Франция не решилась вступить в бой и изменить ход истории. В конце дня 7 марта 1936 г. глава министерства иностранных дел Франции П.-Э. Фланден сообщил, что Франция решила передать вопрос об одностороннем расторжении Германией Локарнского пакта в Совет Лиги Наций и намерена продолжать консультации с участниками Локарнского пакта и не будет предпринимать мер военного порядка до выяснения их позиций²⁹.

На следующий день состоялось еще одно заседание французского кабинета совета министров, в этот раз под председательством президента Третьей республики А. Лебрена, на котором принятые накануне решения были подтверждены. 8 марта 1936 г. Фланден и его бельгийский коллега П. ван Зееланд призвали Генерального секретаря Лиги Наций срочно созвать Совет Лиги³⁰. Французское руководство оказалось не в состоянии действовать смело и без оглядки на союзников, встав на путь бесконечных совещаний, оказывавших на Гитлера, по меткому выражению советского полпреда в Англии И.М. Майского, такой же эффект, что и “слова крыловского повара на кота Васью”³¹.

В основе нерешительности Парижа лежал комплекс причин. Вместо того, чтобы предложить конкретный план немедленных действий, военный министр и начальник Генштаба указывали, что всякая операция может быть предпринята только в рамках Лиги Наций совместно с гарантами Локарно³². Якобы из одиночку французская армия не могла справиться с вермахтом. Исходя из ошибочного преувеличения немецкой мощи, французское правительство пришло к абсурдному выводу, что любая эффективная

²⁶ Шурер У. Указ. соч., с. 333; Картье Р. Тайны войны. После Нюрнберга. М., 2005, с. 40.

²⁷ Шмидт П. Указ. соч., с. 48.

²⁸ Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Charles Serre. Député au Commission d'Équité parlementaire, t. 1. Paris, 1951, p. 79.

²⁹ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), т. 19. М., 1974, с. 125.

³⁰ Walters F. A History of the League of Nations. Oxford, 1960, p. 694.

³¹ Майский И.М. Кто помогал Гитлеру. М., 1962, с. 59.

³² DDF, ser. 2, t.1, Paris, 1963, p. 504.

военная акция требует всеобщей мобилизации, что за шесть недель до всеобщих выборов было признано безумием³³. На самом деле, как известно из архивных документов, военное руководство Третьей республики намеренно завышало мощь германской армии и манипулировало информацией, надеясь увеличить таким образом финансирование французских вооруженных сил и реализовать масштабную программу перевооружения³⁴.

Порой ошибки и просчеты принимали гротескный характер. В марте 1936 г. численность германской авиации, по данным разведки, составляла 900 самолетов, что в принципе было недалеко от истины, однако процент именно военных самолетов чрезмерно завышался. 11 марта 1936 г. командование французской военной авиации предупредило, что любое противостояние с Германией спровоцирует мощный ответ, что люфтваффе могут направить на Париж и Лион 400 бомбардировщиков³⁵. Шеф морского отдела Второго бюро Генштаба утверждал, что Германия представляет реальную угрозу Франции на море. Следовательно, надо исключить возможность нанесения первого удара французского военно-морского флота только на том основании, что обучение личного состава германского кригсмарине осуществлялось в наступательном ключе³⁶.

В целом, военные строили прогнозы, исходя в лучшем случае, из потенциальной, а не реальной силы германских вооруженных сил. В худшем же, речь шла о намеренном нагнетании истерии и завышении германских показателей.

Другая причина была связана с внутривластными проблемами Франции. Положение французского правительства действительно было незавидным: в стране полным ходом шла борьба между сторонниками и противниками Народного фронта; в пользу мирного разрешения конфликта говорил и финансовый фактор: Франция была на грани банкротства из-за экономического кризиса. Французский бюджет на 1936 г. был принят только за счет урезания 7 млрд. франков и создания отдельного экстраординарного бюджета для покрытия дефицита казначейства. К 1 мая 1936 г. Национальный банк Франции уже потратил по сравнению с 1935 г. больше 20 млрд. франков из золотого запаса. Мобилизация же потребовала бы 30 млн. франков ежедневно³⁷. В 1936 г. Франция тратила на нужды обороны 26,5% государственных доходов, в то время как Германия, чей бюджет превышал французский, – 62,4%³⁸. Открыто негативное отношение к противостоянию с Германией выражали и некоторые деловые круги Франции, наладившие выгодную торговлю с Германией³⁹.

Наконец, нельзя было сбрасывать со счетов и негативный опыт французской оккупации Рура в 1920-е годы. Французская оккупация Рура сильно ударила по экономике страны, а также осложнила отношения Парижа с Лондоном и Вашингтоном.

Большое значение для принятия ставшего в итоге роковым решения французского правительства имело состояние общественного мнения, особенно в свете разворачивавшейся предвыборной кампании. Сторонникам твердой линии здесь трудно было найти поддержку. Подавляющее большинство французских газет и журналов акцентировало внимание не на грубейшем нарушении Германией Версальского и Локарнского договоров, а на “мирных” предложениях нацистского фюрера. За исключением ряда прокоммунистических изданий, пресса категорически выступала против действенных контрмер. Даже правые издания, отличавшиеся своим национализмом, внезапно перешли на пацифистские позиции. Заголовки “Матэн” на следующий день после реоку-

³³ Reynauld P. In the Thick of the Fight, 1930–1945. New York, 1955. p. 127.

³⁴ SHAT, 2N19-3, Note pour le Haut Comité Militaire, 28 janvier 1936; 1N36-3, 24 janvier 1936.

³⁵ SHAA, 2B3, Note sur la repercussion aérienne d'une operation militaire terrestre á objectif limité, 11 mars 1936; Jackson P. Op. cit., p. 174.

³⁶ SHM, 1BB2, C.182/EMG-2, Activité de la flotte allemande, mars 1936.

³⁷ Thomas M. Op. cit., p. 34–36.

³⁸ The Origins of the Second World War: the Debate Continues. New York, 2003, p. 98.

³⁹ Демидов С.В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936–1939). Рязань, 2000, с. 53.

пации звучали так: «Денонсирование рейхом Локарнского договора. В своей яркой и страстной речи Адольф Гитлер раскрыл коммунистическую опасность. “Я предупредил Францию, – сказал он, – я дрожу за Европу”. Франко-германские переговоры еще возможны. Коммунистическая угроза»⁴⁰. Правые партии поспешили представить нацистскую акцию как “законную” реакцию германского правительства на ратификацию франко-советского пакта в Палате депутатов. Они и слышать не хотели о каких-либо санкциях в отношении Гитлера и настаивали на франко-германском сближении. То же, в общем, касалось и умеренного спектра французского общества. Например, газета “Тан” 10 марта 1936 г. отмечала, что “создание между Парижем и Берлином равновесия неотделимо от равновесия и гармонии в Европе”⁴¹. На самом деле Гитлер дипломатическими маневрами тянул время и отвлекал внимание мира от своих агрессивных действий. Как отмечал Франсуа-Понсэ, “Гитлер ударял противника с размаху по лицу и в то же время говорил: я предлагаю вам мир”⁴². Однако весной 1936 г. мнение Франсуа-Понсэ разделяли немногие.

Наконец, существовала еще одна, возможно решающая, причина пассивности Франции: позиция союзников Франции по Локарно и “фронту Стрезы” – Великобритании и Италии. И здесь французы оказались в весьма щекотливом положении. В ходе начавшейся осенью 1935 г. итало-эфиопской войны, едва не поставившей Италию на грань войны с Англией, Париж вынужден был выбирать между традиционным союзом с “Туманным Альбионом” и недавно заключенными военными соглашениями с “Латинской сестрой”. После некоторых колебаний, Франция сделала выбор в пользу инициированных Англией экономических санкций против Италии, тем самым безнадежно испортив отношения с Муссолини – еще недавно главным союзником Франции по антигитлеровскому фронту в Европе. В этих условиях о поддержке французской военной акции со стороны Италии не могло быть и речи: было бы наивно полагать, что страна, недавно подвергнутая санкциям (несправедливым, по мнению Рима), выступит за применение каких-либо репрессивных мер в отношении другого государства.

Союзнические же узы между Францией и Великобританией, несмотря на противоречивый характер их отношений в 1920-е – первой половине 1930-х годов, были гораздо крепче. В качестве последнего аргумента “за” или “против” возможных контрмер, французские лидеры поспешили обратиться именно в Лондон. Но и здесь немногих французских сторонников жесткой линии ждало разочарование.

Демилитаризация Рейнской зоны никогда не находила полной поддержки в Лондоне. Невозможность эффективно поддерживать существовавший статус Рейнской области лишь усиливала аргументы противников сохранения ее демилитаризации. В представленном в январе 1936 г. Комитету имперской обороны – высшему военно-политическому органу Британской империи меморандуме относительно стратегической значимости Рейнской зоны с точки зрения возможной войны в воздухе британский министр авиации П. Канлифф-Листер отмечал, что “оборонительная ценность Рейнской зоны как барьера между Германией, с одной стороны, Францией, Бельгией и Великобританией – с другой... незначительная”⁴³.

Политики Великобритании не имели ни малейшего желания развязывать из-за левого берега Рейна новую европейскую войну, грозившую при любом исходе социальными катаклизмами и возможной потерей империи. В концепции оборонной стратегии Британской империи, принятой в 1934 г., главной целью объявлялось господство на море; на втором месте стояла защита Египта и Палестины. На третьем – оборона метрополии с суши и воздуха и, наконец, на четвертом и последнем – отправка экспедиционного корпуса в Европу для защиты Нидерландов, Бельгии и портов Ла-Манша⁴⁴.

⁴⁰ Le Matin, 8.III.1936

⁴¹ Le Temps, 10.III.1936.

⁴² François-Poncet A. Op. cit., p. 252.

⁴³ PRO, FO 371/19883, p.221.

⁴⁴ Десятков С.Г. Мюнхенская политика и английские военные ведомства. – Проблемы британской истории. М., 1974, с. 106.

В конце 1935 – начале 1936 г. в стенах британского министерства иностранных дел шли оживленные дискуссии о возможной ремилитаризации Рейнской зоны. Ответственные работники Форин оффис пришли к выводу о нецелесообразности жесткой реакции в отношении этой акции Гитлера. Статус Рейнской области представлялся им “ненормальным”, а его изменение рассматривалось как необходимая предварительная уступка Гитлеру для достижения широкого соглашения с Германией. В начале 1936 г. недавно назначенный главой Форин оффис Э. Иден и его коллеги призывали членов правительства как можно скорее вступить в контакт с Германией, пока сдача позиций в зоне имела цену для переговоров. В качестве такой цены назывались возвращение Германии в Лигу Наций, решение проблемы вооружений, обязательство Гитлера отказаться от территориальных притязаний в Африке или насильственного изменения границ в Европе; наконец, “Воздушный пакт”, запрещавший, в частности, строительство тяжелых бомбардировщиков⁴⁵.

17 января 1936 г. Иден представил кабинету министров меморандум под названием “Германская угроза”. В нем он призывал, чтобы одновременно с укреплением вооруженных сил страны следует найти “какой-нибудь *modus vivendi* с гитлеровской Германией, который был бы и почетным и надежным для этой страны и который снизил бы нарастание противоречий в Европе”. Некоторые уступки в доступе к колониальным ресурсам должны были послужить отправной точкой переговоров. В Западной Европе Иден предлагал замену Локарно “Воздушным пактом”, ликвидацию Рейнской демилитаризованной зоны и соглашение по ограничению вооружений. В Центральной и Восточной Европе глава Форин оффис предлагал Англии и Франции признать особые интересы Германии, не выходящие за рамки Устава Лиги Наций. Великобритании следовало пересмотреть экономические и коммерческие концепции в этом регионе в пользу Германии⁴⁶.

29 января 1936 г. в ходе обсуждения на заседании британского кабинета министров подготовленного Иденом документа был задан, по сути, риторический вопрос: являются ли взаимоотношения Великобритании с Францией настолько тесными, чтобы не дать возможности британскому правительству самостоятельно оценить ситуацию и затем определить политику в отношении Германии?⁴⁷ Именно так Лондон в итоге и поступил.

10 февраля 1936 г. правительственные эксперты пришли к выводу о том, что Англия “не готова защищать неприкосновенность зоны при помощи силы”. Спустя неделю, 17 февраля, специально созданный британским правительством Комитет по Германии принял решение о “необходимости начать широкие переговоры с правительством Третьего рейха”⁴⁸.

Когда в ходе экстренного совещания французского правительства 7 марта 1936 г. Фланден связался с Иденом, последний заявил: “Поскольку зона была создана в основном ради безопасности Франции и Бельгии, то правительства этих двух стран и должны решать, насколько она для них важна и какую цену они готовы заплатить за ее сохранение. Но вы совершили бы серьезную ошибку, если бы начали действовать, не посоветовавшись со всеми участниками Локарнского договора. Рекомендую вам не принимать никаких решений, которые могли бы поставить под угрозу будущее”⁴⁹.

Позицию британского правительства полностью разделяла общественность Англии, которая склонна была считать ремилитаризацию внутренним делом Германии, а Францию – защищенной “линией Мажино”. В Лондоне вся пресса, даже традиционно

⁴⁵ PRO, FO, 371/19884, p.3-4; PRO, FO, 371/19885, p. 223–224;

⁴⁶ PRO, CAB/24/259, p. 56.

⁴⁷ PRO, CAB/23/83, p. 42.

⁴⁸ PRO, FO, 371/19884, p. 156; *Davis R. Anglo-French Relations before the Second World War. London, 2001, p. 140.*

⁴⁹ Накануне..., с. 80.

антинацистские издания, буквально изощрялась в стремлении оправдать действия Гитлера и, в еще большей степени, чем французская, апеллировала к “мирным” предложениям нацистского фюрера. Этот курс поддерживали влиятельные финансовые группы лондонского Сити.

Выступая 9 марта 1936 г. в Палате общин, Иден заявил, что осуждает германскую акцию, но не расценивает ее как агрессию или угрозу агрессии. Хотя Иден и подтвердил обязательства британского правительства в отношении Франции и Бельгии, основное внимание он сконцентрировал на германских предложениях от 7 марта 1936 г. Несмотря на нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров, Иден заключил, что международная ситуация такова, что “не стоит упускать ни одной возможности, которая дает надежду на улучшение”⁵⁰. Вместо поддержки французских контрмер, официальный Лондон предложил своему союзнику вступить в переговоры с Германией⁵¹.

Так и не получив немедленной поддержки из Лондона, Франция не решилась выступить, хотя имела на это полное право в соответствии с международно-правовыми нормами и располагала достаточными ресурсами для достижения приемлемого для себя результата. Вместо этого французское правительство инициировало консультации локарнских держав “с целью согласования позиции перед тем как поставить вопрос в Лиге Наций”⁵². В коллективных действиях французские руководители увидели прекрасную возможность переложить ответственность за отсутствие своей реакции на нарушение Германией договоров на плечи своих союзников, в первую очередь, англичан, что было крайне важно в свете предвыборной борьбы во Франции. При этом французское руководство, обделенное политической волей, рассчитывало добиться определенных гарантий со стороны Великобритании для собственной безопасности.

Характерно, что такая политическая линия французского правительства была, по сути, выработана задолго до 7 марта 1936 г. Еще 27 января 1936 г. политическим департаментом министерства иностранных дел Франции высказывалось предостережение против решительных действий, способных спровоцировать немцев “открыто принять вызов”. Непременным условием любого демарша считалась поддержка со стороны Англии и Бельгии⁵³. 27 февраля 1936 г. французский кабинет министров отверг идею односторонней военной акции в случае ремилитаризации⁵⁴.

3 марта 1936 г. Фланден передал памятную записку Идену, в которой говорилось, что в случае реокупации Рейнской зоны Германией французское правительство не примет никаких изолированных действий без согласования с локарнскими державами и обращения в Совет Лиги Наций⁵⁵.

10 марта 1936 г. в Париже начались совещания локарнских держав (Англии, Франции, Италии, Бельгии), но без Германии. По словам Фландена, он заявил, что если державы-участницы Локарно подтвердят наличие агрессии со стороны Германии, то Франция своими силами заставит германские войска покинуть Рейнскую зону⁵⁶. Архивные документы показывают, что Фланден был уверен, что британский премьер заранее проинструктировал Идена препятствовать любым французским предложениям жесткого характера⁵⁷.

Глава министерства иностранных дел Франции оказался прав: представители Великобритании Иден и Галифакс высказались за урегулирование конфликта путем дипломатических переговоров с Гитлером, взяв за основу “мирные предложения”

⁵⁰ Parliamentary Debates, House of Commons, v.310, cols. 1812–1813; DDF, 2, t. 1, p. 476.

⁵¹ Ibid., p. 474, 724.

⁵² PRO, FO 371/19887, p. 253.

⁵³ DDF, 2, t. 1, p. 151–152.

⁵⁴ Thomas M. Op. cit., p. 34.

⁵⁵ DDF, 2, t. 1, p. 397.

⁵⁶ Flandin P.-E. Politique Francaise, 1919–1940. Paris, 1947, p. 202.

⁵⁷ PRO, CAB 23/83; SHM, Sous série 1BB2, C.91/EMG-2, Bulletin des Renseignements 1, 4–17 mars 1936.

нацистского фюрера от 7 марта 1936 г. К этому времени “Идену удалось сделать лишней интереса происшедшую в субботу оккупацию”⁵⁸.

В итоге было решено передать вопрос на обсуждение Совета Лиги Наций. Сарро заявил в Палате депутатов, что Франция, руководствуясь прежде всего заботой о “судьбах организации коллективной безопасности и действительной ценности договоров”, решила не принимать никаких мер до заседания Совета Лиги Наций. “Мы предоставим все наши силы, материальные и моральные, в распоряжение Лиги Наций... при одном условии, что будем поддержаны теми, кто, безусловно, обязан действовать так в силу Рейнского пакта”⁵⁹.

Вслед за этим саммит был перенесен в Лондон, где и должно было состояться заседание Совета Лиги Наций. В Лондоне министр иностранных дел Франции Фланден продолжил убеждать своих коллег, что потеря Рейнской области снижает уровень безопасности Франции и ее восточноевропейских союзников, что вся система послевоенного миропорядка поставлена под вопрос, что “на кону стоит судьба Лиги Наций”, что на германский вызов необходимо дать адекватный ответ. “В данный момент весь мир и особенно малые страны следят за реакцией Великобритании. Если Англия будет действовать, она станет лидером Европы. За вашей политической линией последует вся Европа, и, таким образом, вы предотвратите войну. Если вы не остановите Германию сейчас, все будет кончено. Франция не сможет гарантировать Чехословакии поддержку, так как это будет географически невозможно. Если вы не сохраните Локарнское соглашение, останется лишь ждать перевооружения Германии, против которого Франция ничего не может сделать. Если не остановить Германию силой сейчас, война неизбежна, даже если вы добьетесь временной дружбы с ней”⁶⁰.

Однако Н. Чемберлен, наиболее влиятельный член кабинета Болдуина, лишь заметил, что “общественное мнение Великобритании не поддержит силовые действия британского правительства”⁶¹. Рассматривая создавшееся положение, британское правительство высказалось против каких-либо санкций по отношению к Германии и за возобновление переговоров с ней в целях достижения взаимопонимания. Пассивность Лондона, по мнению членов английского правительства, должна была продемонстрировать Гитлеру устойчивый характер британской “доброй воли”⁶².

В Лондоне подчеркивали, что утром 7 марта 1936 г. Гитлер просто вновь ввел германские войска на германскую территорию, одновременно предложив западным странам всевозможные гарантии. “Британское общество, – писал 14 марта 1936 г. журнал “Нью Стэйтсмен”, – сожалеет о грубости методов Гитлера, но признает его моральное право оккупировать Рейнланд”⁶³. Хрестоматийной стала фраза лорда Лотиана: “В конце концов, они просто вступают в свои собственные владения”. Такая точка зрения была характерна для англичан⁶⁴. Впрочем, и по другую сторону Ла-Манша раздавались аналогичные высказывания. 19 февраля 1936 г. начальник Генштаба Франции генерал Гамелен заявил: “Нельзя бесконечно мешать Германии делать то, что она хочет в пределах своих границ”⁶⁵.

Справедливости ради надо отметить, что Фланден скорее выдавал желаемое за действительное или просто искал оправданий позиции Франции. У его английских коллег было немало поводов усомниться в том, что Фланден и другие французские министры стремятся к силовой акции в отношении Германии. Члены британского правительства были прекрасно осведомлены о нежелании Парижа действовать. Еще в январе 1936 г. на

⁵⁸ *Campbell-Johnson A.* Sir Anthony Eden. A Biography. London, 1955, p. 122.

⁵⁹ *Annales de la Chambre des deputes. Débats parlementaires*, t. 1. Paris, 1936, p. 855.

⁶⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война, т. 1. М., 1997, с. 92.

⁶¹ *Feiling K.* Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 279.

⁶² PRO, CAB, 23/83.

⁶³ *New Statesman*, 14.III.1936.

⁶⁴ *Черчилль У.* Указ. соч., с. 92.

⁶⁵ DDF, ser. 2, t. 1, p. 302.

первой встрече с англичанами в качестве министра иностранных дел Франции Фланден прямо заявил Идену и Чемберлену, что кабинет Сарро не будет предпринимать рискованных действий в отношении Гитлера, пока не будет взят под контроль дефицит бюджета и не достигнут прогресс в области перевооружения Франции⁶⁶. Ни того, ни другого к началу марта 1936 г., разумеется, не произошло. По мнению Ж. Боннэ, “Фланден отправился в Лондон не просить у нашего союзника (Великобритании. – *А.Н.*) военной поддержки, в которой мы не нуждались, а проинформировать Болдуина... о принятых решениях и согласиться с необходимостью дипломатических действий”⁶⁷. Черчилль так прокомментировал выступление Фландена: “То были смелые слова. Но действия прозвучали бы громче”⁶⁸.

В итоге Великобритания и Бельгия ограничились официальными протестами Берлину и выразили надежду, что Германия внесет весомый вклад в снижение международной напряженности путем вывода символического количества своих частей из Рейнской зоны. В ответ Берлин пообещал не увеличивать свой воинский контингент в Рейнской области. Когда же Париж предложил применить к Германии экономические и финансовые санкции, которые должны были привести к международно-политической изоляции нацистского режима и вынудить Гитлера очистить Рейнскую зону (так называемый план Леже⁶⁹), Лондон и Брюссель посоветовали Парижу действовать через Лигу Наций.

И в Париже такой выход из ситуации многим казался единственно приемлемым. Уже 8–9 марта 1936 г. французские газеты “Фигаро”, “Тан”, “Матэн” писали, что демилитаризация Рейнской области не является предметом отношений между Францией и Германией, это вопрос, который должна обсуждать Лига Наций⁷⁰. В это же время Геббельс отмечал в своем дневнике: “Международная реакция замечательна. Франция вовлечет Лигу. Прекрасно! Она тем более не будет действовать. Вот, что самое главное”⁷¹.

Таким образом, вместо того, что ответить силой на силу, правительство Сарро решило передать вопрос об одностороннем расторжении Германией Локарнского соглашения на рассмотрение Лиги Наций, тем самым окончательно исключив возможность самостоятельной односторонней акции Франции. Еще раз подчеркнем, что юридически Франция имела полное право ответить на силу противодействием, для чего не требовалось решения Совета Лиги Наций, ведь сосредоточение германских вооруженных сил в Рейнской зоне по условиям Версальского договора уже являлось достаточным основанием для начала немедленных военных действий.

Совет Лиги Наций, который должен был определить, нарушила ли Германия границы демилитаризованной зоны, собрался 14 марта 1936 г. в Лондоне. В его работе в последний раз в истории принимал участие представитель Германии. Характерно, что хотя еще в 1933 г. Гитлер и оформил выход Германии из Лиги Наций, вплоть до 1936 г. Германия была вынуждена считаться с авторитетом Лиги, что наглядно продемонстрировал саарский плебисцит. Более того, в дни рейнского кризиса Гитлер активно использовал в качестве дипломатического камуфляжа вопрос о возможном возвращении Германии в Лигу.

Однако Лига Наций, чьи позиции и так были серьезно поколеблены перипетиями начавшейся осенью 1935 г. итало-эфиопской войны, весной 1936 г., в условиях пассивности Франции и нацеленности Великобритании на диалог с Гитлером (13 марта 1936 г. британское правительство на своем заседании пришло к мнению о нецелесообразности применения каких-либо санкций; вместо этого была одобрена линия на углубление отношений с Германией путем установления прямых контактов с Гитлером⁷²), так и не

⁶⁶ PRO, CAB 23.

⁶⁷ Bonnet G. *Vingt ans de vie politique*. Paris, 1969, p. 243.

⁶⁸ Черчилль У. Указ. соч., с. 93.

⁶⁹ ДВП, т. 19, с. 140.

⁷⁰ Le Matin, 8.III.1936; Le Figaro, 9.III.1936; Le Temps, 9.III.1936.

⁷¹ Davis R. *Op. cit.*, p. 159.

⁷² PRO, FO 371/19893, p. 155–156.

решилась взять на себя инициативу в деле наказания нарушителя международного порядка. С однозначным осуждением действий Гитлера выступили лишь советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов и его румынский коллега Н. Титулеску; в пользу международных санкций склонялось и правительство Чехословакии. Однако большинство европейских государств, в частности балканские и скандинавские страны, а также Польша, дали понять, что не поддержат введение санкций против Германии⁷³.

После пяти дней дискуссий Совет Лиги принял краткую, всего в восемь строк резолюцию, которая ограничивалась “констатацией факта” нарушения Германией статьи 43-й Версальского и статьи 4-й Локарнского договоров⁷⁴. Резолюция не дала Локарнским державам ровным счетом ничего.

Предложение Франции применить к Германии экономические санкции в соответствии с планом Леже, реализация которого должна была поставить рейх “в высшей степени тяжелое положение”⁷⁵, было отклонено по настоянию Англии – ближайшего союзника Франции, на том основании, что для рекомендации санкций Совету Лиги Наций “нет никакой юридической базы”, так как речь шла “не о занятии чужой территории, а о восстановлении Германией суверенных прав”⁷⁶.

Перспектива проведения в жизнь санкций против Германии, и так весьма иллюзорная, была окончательно ликвидирована. Спустя неделю после ремилитаризации стало ясно, что вызывающая акция Гитлера осталась абсолютно безнаказанной. 21 марта 1936 г., выступая в Гамбурге, Гитлер торжественно провозгласил, что “дух Версальского договора уничтожен”⁷⁷. К концу марта 1936 г. рейнский вопрос был снят с международной повестки дня.

Стратегические и политико-дипломатические последствия рейнского кризиса для развития Версальской системы международных отношений трудно переоценить. События марта 1936 г. показали, что Берлин встал на путь насильственного изменения европейского порядка. Кроме того, они привели к изменениям в самой структуре Версальской модели. Лига Наций – первая в истории международная организация по поддержанию мира и безопасности – второй раз с октября 1935 г. продемонстрировала слабость и полную зависимость от внешнеполитического поведения западных демократий, вступив в полосу затяжного кризиса. Локарнский пакт, гарантировавший неизменность западных границ Германии, потерял силу. “Фронт Стрезы” – наиболее эффективный на тот момент формат коллективной безопасности трех держав-победительниц в Первой мировой войне, давший серьезную трещину в ходе итало-эфиопской войны, но все еще потенциально способный остановить агрессию нацистской Германии в Европе, был окончательно ликвидирован.

В европейском балансе сил произошли драматические изменения. Германия значительно укрепила свои позиции на континенте. В военно-стратегическом плане благодаря ремилитаризации левого берега Рейна была отведена угроза от главной кузницы германского оружия – Рурского промышленного района. Германская армия размещалась на границе Франции и Бельгии. Рейнская область была превращена в направленный на Третью республику военный плацдарм рейха, который одновременно мог служить прикрытием германского тыла на случай войны на Востоке. Гитлер укрепил свое влияние в немецком обществе и, главное, в армии, приучив консервативных германских генералов к мысли, что в он является непререкаемым авторитетом в международных и военных делах. В результате успешного завершения Рейнской операции нацистское руководство убедилось в реальности и достижимости своих экспансионистских целей, в возможности беспрепятственно действовать как дипломатическими, так и военными средствами.

⁷³ Ibid., p. 52–58.

⁷⁴ League of Nations, Official Journal, April, t. I. Geneva, 1936, p. 327; Правда, 20.III.1936.

⁷⁵ ДВП, т. 19. с. 140.

⁷⁶ Там же, с. 174.

⁷⁷ *Нежинский Л.Н.* Пути и перепутья советской международной политики в 1933–1941 гг. Тула, 2008, с. 80.

Позиции Франции в Европе резко ослабли. На протяжении полутора десятилетий после окончания Первой мировой войны Рейнская демилитаризованная зона была краеугольным камнем французской стратегической безопасности. Хотя эволюция в военном деле, в первую очередь развитие авиации, танковых и моторизованных частей, к середине 1930-х годов несколько снизили стратегическое значение Рейнской зоны, размещение германской армии на французской границе создало непосредственную реальную угрозу безопасности Франции. Строительство “линии Зигфрида” – немецких укреплений на левом берегу Рейна – осложнило (во всяком случае, психологически) для Франции выполнение ее союзнического долга в Европе. Ремилитаризация Рейнской зоны опустила своеобразный “железный занавес” между Францией и ее союзниками в Центральной Европе – странами Малой и Балканской Антанты, а также Австрией.

В результате рейнской операции Германия смогла кардинально изменить геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе, сделав серьезную заявку на гегемонию в регионе. Доверие к Франции как гаранту Версальского статус-кво со стороны ее союзников было подорвано. В ряде европейских столиц возобладало мнение, что если Франция и Великобритания не стали защищать гарантированного ими Локарно, то нельзя надеяться на поддержку западными демократиями Версальского урегулирования и в других частях Старого Света, особенно в Восточной Европе. Это урегулирование Великобритания не раз ставила под сомнение. Крепло убеждение, что быть союзником Франции опасно. Если Франция не в состоянии обеспечить собственную безопасность, то ждать от нее помощи в случае конфликта с Германией тем более не следует.

С весны 1936 г. начался развал французской системы европейской безопасности, которую Париж выстраивал в течение 1920-х годов. В Малой и Балканской Антантах усилилась тенденция к отходу от союза с Францией, сближению с Германией и переориентации на британскую политику умиротворения; затем эти региональные блоки вступили в полосу кризиса. В октябре 1936 г. Бельгия расторгла военный союз с Францией, заключенный в 1920 г. Стратегия обороны французской “линии Мажино”, которая простиралась от Швейцарии лишь до бельгийской границы, была разбита одним ударом. На повестку дня встал вопрос о соотношении реального военно-политического положения Франции на континенте и ее статуса доминирующей державы в Версальской Европе.

Этим фактом объяснялось упорство, с которым французские политики добивались британских гарантий безопасности Франции – своего рода компенсации за сдачу Рейнской области. 19 марта 1936 г. Великобритания заключила соглашение с Францией и впервые после Первой мировой войны согласилась взять, хоть и ограниченные, военные обязательства в отношении другого государства. 1 апреля 1936 г. правительства Англии и Франции обменялись официальными письмами, в которых английское правительство заявляло, что если попытки заключить вместо Локарнского договора новое соглашение с участием Германии окажутся безрезультатными, то в случае германского нападения на Францию Англия придет ей на помощь. Париж добился включения пункта о начале переговоров между генеральными штабами обеих стран⁷⁸. По сути, это был пакт о взаимопомощи.

Однако решающим фактором в возобновлении англо-французского союза явился тот факт, что он был реанимирован как оборонительный альянс для защиты рейнской границы. В компетенцию обновленной “Антанты” не входили ни поддержка французских обязательств в Центральной и Восточной Европе, ни сохранение существовавшего в Европе статус-кво. Более того, правительство Сарро фактически признавало нацистскую оккупацию Рейнской области. В новых условиях Париж терял возможность проводить самостоятельную политику на европейском континенте, все больше отдалялся от идеи коллективной безопасности несмотря на то, что 27 марта 1936 г. вступил в силу советско-французский пакт. По мере усиления Германии и размывания союзов Франции с Малой Антантой, Польшей и СССР, Париж превращался в сателлита Лондона.

⁷⁸ DDF, ser. 2, t. 2, p. 15–16.

Франция становилась государством, в политическом, стратегическом, военном, психологическом плане зависимым от Англии.

Эпоха многовекторности внешней политики Франции, политики уравнивания германской мощи системой коллективной безопасности в Центральной и Восточной Европе, подошла к концу. Вместо линии на интегральную защиту европейской безопасности, Париж перешел к отстаиванию ограниченной сферы своих интересов. Эти губительные изменения были подтверждены и закреплены летом 1936 г. в связи с начавшейся гражданской войной в Испании.

Позиция Великобритании в ходе рейнского кризиса показала, что Лондон начал претворять в жизнь концепцию модернизации Версальской системы, основанную на ограниченных уступках нацистскому режиму, которые должны были в итоге удовлетворить требования Гитлера «снять оковы Версаля». В Лондоне, конечно, не могли не понимать, что за этими претензиями стоят намерения Гитлера создать сильную Германию, однако такая Германия отвечала интересам Лондона. «Третий рейх» рассматривался как бастион против расползания большевизма – главного врага британского образа жизни. В случае активных французских контрмер гитлеровский режим мог пасть, открыв дорогу к большевизации Германии, а затем и всей Европы, чего на берегах Темзы никак не могли допустить. Британский политический деятель г. Никольсон 12 марта 1936 г. писал в дневнике: «Мы знаем, что Гитлер играл на удачу... Поэтому, если бы мы предъявили ультиматум Германии, она должна была бы... уступить. Но, кроме того, она могла бы не уступать, и мы получили бы войну. Естественно, мы должны победить и войти в Берлин. Но что в этом хорошего? Итогом был бы коммунизм в Германии и Франции... Мы должны поэтому постыдно уступить, и Гитлер “поведет в счете”»⁷⁹.

Кроме того, антикоммунистический нацистский режим должен был стать (раз уж возрождение военно-политической мощи Германии было неизбежно) недостающим элементом в единственно приемлемой для англичан архитектуре европейского порядка, основанного на классическом балансе сил, обеспечивавшем гегемонию Великобритании. С целью поддержания равновесия сил британские руководители предпочитали играть на франко-германских и итало-французских противоречиях.

Одним из главных геополитических противников Британской империи в “большой игре” на мировой арене на протяжении последних 200 лет была Россия. Поэтому концепция германского “натиска на Восток” идеально укладывалась в парадигму глобальной политики Англии. Таким образом, идеологические, а не реалистические мотивы обуславливали поведение Лондона в ходе рейнского кризиса.

При этом Лондон фатально недооценивал истинные внешнеполитические стремления Гитлера. Если англичане надеялись интегрировать гитлеровскую Германию в Версальскую систему, пересмотрев ряд ее основополагающих договоров, то Гитлер грезил о мировом господстве, основанном на полном крушении послевоенного порядка. “Тихая революция”, в результате которой Великобритания утрачивала на протяжении первой половины XX в. роль ведущей мировой и колониальной державы, была для Гитлера лишь поводом, предлогом для активизации усилий по ускоренной перекройке геополитической карты мира, создания “нового мирового порядка”.

Лондон и Париж предпочитали договариваться с диктаторами по принципу “уступка за уступку”, однако с учетом амбиций Гитлера и Муссолини, имманентной агрессивности их режимов реализация данного принципа была обречена на неуспех, что наглядно и продемонстрировал Рейнский кризис. Как это ни парадоксально, но лишь один из участников “фронта Стрезы”, призванного держать Германию в рамках Версаля, вовремя осознал истинные мотивы германского диктатора. По иронии судьбы, им был глава фашистского правительства Италии Муссолини, к марту 1936 г. вставший на путь ревизии мирных договоров и поэтому благожелательно отнесшийся к агрессивному акту Гитлера. Тем самым был сделан важный шаг на пути формирования “оси Бер-

⁷⁹ *Nicolson H. Diaries and Letters, v. 1. London, 1966, p. 243.*

лин-Рим” – альянса, направленного на ликвидацию Версальской системы международных отношений.

Ремилитаризация Рейнской области, таким образом, явилась важной вехой в истории Версальской системы. Она нанесла гораздо более серьезный удар по системной стабильности, нежели введение всеобщей воинской повинности в Германии в марте 1935 г., так как имела своей целью подрыв территориального статус-кво на континенте. Введение всеобщей воинской повинности было лишь первым открытым нарушением Версальских статей, однако радикально не меняло соотношение сил между Францией и Германией. 7 марта 1936 г. Германия впервые после окончания Первой мировой войны открыто нарушила условия Версальского договора, связанные с территориальным переустройством, которое было закреплено на мирной конференции. Ремилитаризация стала для Гитлера первым шагом на пути пересмотра территориального устройства Версальского мира.

Занятие вермахтом левого берега Рейна явилось сильнейшим ударом по статус-кво на континенте, решительно поколебало баланс сил, сложившийся после окончания Первой мировой войны. Соотношение сил неумолимо начало меняться в пользу агрессивных держав.

Если в истории и имеются примеры, когда превентивная война являлась бы одновременно необходимой и оправданной, то это, по мнению большинства исследователей, как раз была ситуация рейнского кризиса⁸⁰. История международных отношений могла пойти по иному пути, отреагируй Париж жесткими контрмерами на германское нарушение. Однако этого не произошло. Весной 1936 г. Франция упустила возможность создать для себя, по терминологии конфликтологов, “желательное будущее”⁸¹ – благоприятную среду для своего развития и развития всей системы, гарантом которой являлась. Взамен Париж получил в очень скором времени вариант “нежелательного будущего”, проще говоря – катастрофу лета 1940 г., а Европа – коллапс Версальской системы и последовавшую за ним Вторую мировую войну.

31 марта 1936 г. германское правительство обнародовало “план мира”. Гитлер отклонил все предложения, сделанные локальными державами, как неприемлемые, одновременно в очередной раз предложив пакты о ненападении сроком на 25 лет с Францией и Бельгией и возвращение в Лигу Наций. Точка в рейнском кризисе была поставлена окончательно.

Один из непосредственных свидетелей и современников тех событий, анализируя последствия рейнского кризиса, писал: “В марте 1936 года две западные державы (Великобритания и Франция. – *А.Н.*) имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили”⁸². “Французы, – писал французский историк М. Бомон, – началом Второй мировой войны считают день 7 марта 1936 г. Именно в этот день была упущена возможность пресечь посягательства Гитлера. Ворота войны распахнулись”⁸³. Хотя у Лондона и Парижа на протяжении второй половины 1930-х годов все еще были шансы спасти мир, в этих словах есть значительная доля истины. После 7 марта 1936 г. Версальская Европа вступила в “джунгли беззакония”⁸⁴.

“Рейнский блеф” Гитлера в марте 1936 г., таким образом, определенно можно считать точкой отсчета кризиса межвоенной модели международных отношений.

---

⁸⁰ Kaufman W. What’s Wrong with Preventive War? The Moral and Legal Basis for the Preventive Use of Force. – *Ethics & International Affairs*, v. 19, 2005.

⁸¹ Основы общей теории международных отношений. М., 2009, с. 466–467.

⁸² Шипер В. Указ. соч., с. 335.

⁸³ Белоусова З.С. Указ. соч., с. 257.

⁸⁴ Werth A. The Twilight of France. 1933–1940. London, 1942, p. 75.